(Берестье, Каменец, Любомиль). Очевидно, к этому же периоду относится и Михайловская ротонда, остатки которой раскопаны в г. Владимир-Волынский. Это круглая постройка с двумя кругами фундаментов и тремя полукруглыми апсидными нишами в толще стен. Ротонда сложена из брусчатого кирпича, окончательно вытеснившего в XIII в. из монументальных сооружений древнерусскую плинфу и ставшего в дальнейшем основным строительным материалом в украинской архитектуре Волыни и Поднепровья.

Большой интерес представляют известные каменные башни, сохранившиеся до наших дней на окраинах г. Холм (села Белавино, Столпье) и в Каменец-Литовском (Белая Вежа). Известно, что такие же башни были в Люблине, Черторыйске и Дрогобыче. Холмские башни сложены из белого камня, что характерно для галицкой строительной техники. Каменецкая Белая Вежа построена из волынского брусчатого кирпича. Она достигает в высоту 29 м и имеет пять ярусов, из которых три — перекрыты сводами. Верх башни увенчан зубцами, под которыми проходит декоративная полоса из нескольких рядов орнамента. Белая Вежа, очевидно, относится к периоду строительства князя Владимира Васильковича, и, видимо, именно о ее строительстве рассказывается в летописи.

Нашествие орд хана Батыя затормозило развитие архитектуры в Галичине и на Волыни. Однако древнерусские традиции не были забыты. В дальнейшем они проявились в архитектуре украинского, русского и белорусского народов. Так, особенности поднепровской архитектуры проявились в строительстве Украины XIV—XVI вв., а мастерство галичских каменщиков ожило в работах львовских мастеров периода ренессанса XVI в.

II ГОРОДИЩА, СЕЛИЩА И МОГИЛЬНИКИ

Городища

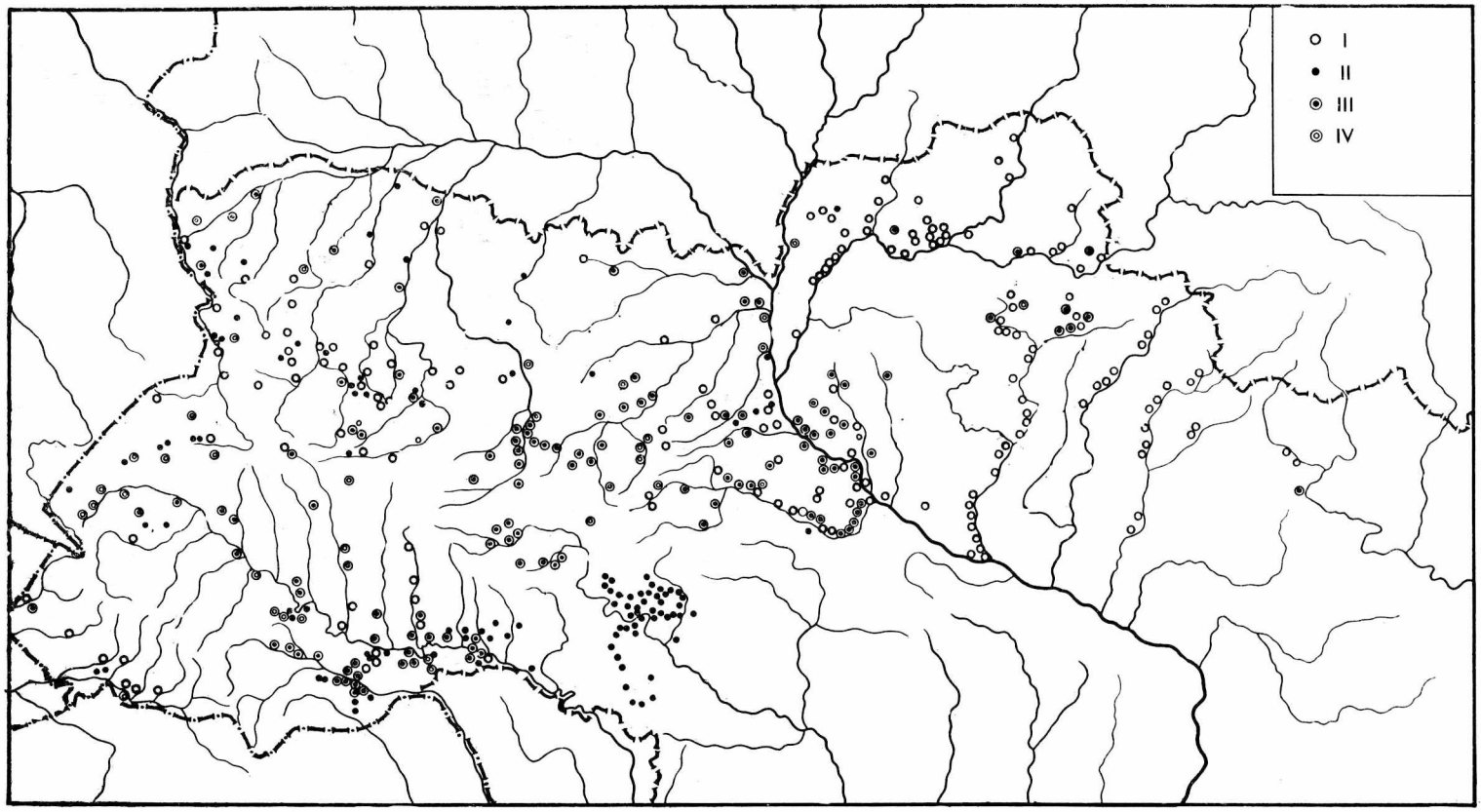
В Киевской Руси, как и в других раннесредневековых государствах, значительная часть поселений имела укрепления. Особенно характерны они для южнорусских земель, расположенных вблизи неспокойного кочевого мира, занимавшего огромные пространства степей Восточной Европы.

Необходимость массового строительства новых укреплений возникла в X в. при киевском князе Владимире Святославиче в связи с усилившимися набегами печенегов. Под 988 годом в летописи говорится: «И рече Володимер: «Се не добро есть — мало городов около Киева». И нача ставити городы по Десне и по Оустрь и по Трубежеви и по Суле и по Стугне, и нача нарубати мужи лутши от Словен и от Кривич и от Чюдии и от Вятич и от сих насели грады, бе бо рать от печенег и бе воюяся с ними и одоляя им» [ПСРЛ, 1962, стб. 106].

Летописцев-монахов, находившихся за прочными стенами монастырей, мало интересовало оборонительное строительство, тем более в удаленных от Киева районах, и только лаконичная запись под 1032 годом посвящена этой теме: «...Ярослав поча ставити городы по Рси» [ПСРЛ, 1962, стб. 137].

Археологические исследования свидетельствуют, что оборонительное строительство в эпоху древней Руси проводилось на территории современной УССР не только в Среднем Поднепровье, но и западнее — вплоть до границ с древнепольским и древневенгерским государствами.

Термин «городище», который озна-



Карта 6.
Размещение Древнерусских городищ на территории УССР:

I — городища со слоями IX—XI и XI—XIII вв.; (IX—XI вв.);
II — городища раннего периода Киевской Руси (IX—XI вв.);
III — городища конца XI — XIII вв.;
IV — древнерусские городища, хронология которых требует уточнений.

чает остатки любого древнего укрепленного пункта — «города», независимо от его социально-экономического содержания, встречается в древнерусской летописи. Термин сохранился до наших дней и в таком значении вошел в литературу. Иногда древнерусские городища на территории УССР именуются «замчищами» — термином более поздней эпохи, происшедшим от

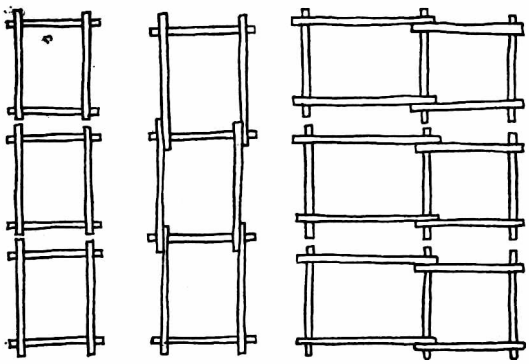


Рис. 91. Схема укреплений городищ из отдельных и взаимосвязанных срубов.

названия остатков замков XVI—XVIII вв. О древности и первичности термина «городище» свидетельствует и тот факт, что многие из существующих населенных пунктов, расположенных вблизи или на месте остатков земляных укреплений, носят название Городище.

Признаками городищ являются остатки земляных укреплений — валов и рвов, ограничивающих замкнутую площадь, предназначавшуюся для заселения, и обеспечивающих возможность круговой обороны.

Обычно возле каждого городища находится неукрепленная часть поселения — селище. Обе эти части образовывали единый населенный пункт. Поэтому под термином «городище» подразумевается и примыкающее к нему селище, иногда называемое в литературе «посадом».

Изучение городищ на территории современной УССР началось в середине XIX в. Первые исследования, проводимые любителями, носили случайный характер и не могли дать сколько-нибудь положительных результатов. Во второй половине XIX в. по инициативе московского Археологического общества была проведена большая работа по учету древних памятников, в том числе и городищ, через административные органы — путем рассылки вопросников-анкет по волостям Украины и России. Собранные в 1873 г. ответы на анкеты являлись основным источником знаний о городищах. Полученные данные, дополненные последующими обследованиями некоторых городищ и новыми сообщениями краеведов, опубликованы в виде «Археологических карт» Киевской, Волынской [Карта, 1895; Карта, 1901] и Подольской [Сецинский, 1901] губерний. Недостаток карт состоял в том, что в них были объединены памятники самых различных эпох без указания их хронологии. Сказывалась крайняя ограниченность археологических исследований, незнание археологического материала, в первую очередь наиболее массовых находок — керамики.

По-новому проводил исследование городищ на Левобережье Днепра профессор Д. Я. Самоквасов. Проводя раскопки славяно-русских курганных могильников на Черниговщине, он установил, что расположенные возле них городища являются остатками укрепленных поселений того же самого населения. Так, впервые был открыт метод косвенного датирования городищ по находящимся рядом с ними могильникам. Заслуга Д. Я. Самоквасова состоит в том, что опубликованные им работы [1873; 1878; 1908] не только содержат учетные данные, но и окончательно утвердили мнение о городищах как о местах древних поселений. До этого многие исследователи считали городища остатками языческих культовых сооружений — святилищами.

Большую работу по обследованию городищ южной части Левобережья Среднего Поднепровья в бассейне рек Сула, Псел и Ворскла проделал в конце XIX — начале XX вв. В. Г. Ляскоронский [1901; 1907; 1911]. Хотя археологическим находкам В. Г. Ляскоронский и не придавал значения, но он впервые составил схематические планы городищ, что остается ценным источником и для современного поколения археологов.

Началом археологических раскопок городищ, изучения их культурного слоя с остатками жилищ, мастерских, бытовым и производственным инвентарем явились работы киевского археолога В. В. Хвойка в XIX — начале XX в. [1905; 1913]. В числе древнерусских памятников Среднего Поднепровья им проведены исследования в Киеве, на городищах у сел Шарки и Конончa в бассейне р. Рось, возле с. Витачев на Днепре, в древнем Белгороде.

Выяснилось, что древнерусская материальная культура имеет свои специфические черты и что только на основании археологических находок возможно выделить древнерусские городища среди городищ иных исторических эпох.

Практика показала, что археология стала самостоятельной отраслью знаний и что для продолжения серьезных исследований, в особенности по древнерусской тематике, необходимы квалифицированные специалисты. Однако в дореволюционной Украине отсутствовало какое-либо научное археологическое учреждение, способное бы возглавить эту работу.

Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции при вновь образованной Академии наук УССР была создана Археологическая комиссия, а затем Всеукраинский археологический комитет, преобразованный в 1934 г. в Институт истории материальной культуры, а в 1938 г. в Институт археологии АН УССР. Уже в 20—30-х годах Н. Е. Макаренко и Ф. Н. Молчановским возобновились разведки и раскопки древнерусских городищ.

Основные работы по изучению городищ осуществлены в послевоенный период. Дореволюционными исследователями был проведен довольно полный учет городищ на территории Украины. В настоящий период учеными поставлена важная задача определить их хронологию, отделить древнерусские городища от укреплений более ранних и поздних эпох. Усилиями Института археологии АН УССР, Института общественных наук АН УССР (г. Львов) и Института археологии АН СССР эта задача в основном выполнена. Проведены разведки почти во всех районах, где имеются сведения о наличии городищ. Значительные работы осуществлены на территории западных областей УССР и в Северной Буковине, вошедших в состав УССР, и где состояние изученности древнерусских памятников оставалось на уровне XIX в.

Среди многочисленных публикаций послевоенного времени, посвященных результатам археологических разведок памятников, в том числе древнерусских городищ, следует назвать работы А. А. Ратича [1957], Б. А. Тимощука [1969], И. И. Ляпушкина [1961] и особенно П. А. Раппопорта [1956; 1967].

Наряду с обследованием проводились разведывательные и стационарные раскопки более чем на 60 городищах, в том числе пять городищ раскопаны полностью (Райковецкое в бассейне р. Тетерев, Бабка на р. Стырь, Судовая Вишня в верховьях р. Сан, Селевинцы на р. Южный Буг, Гринчук на р. Днестр) и три на широкой площади (Иван-Гора возле г. Ржищев и Зарубинцы на р. Днепр, Старая Ушица на р. Днестр), не считая трех полностью раскопанных городищ, принадлежащих остаткам городских поселений (возле с. Городище в районе г. Шепетовка в бассейне р. Горынь, центральное городище Замок в г. Любече и одна из частей — Малое

городище летописного Городска на р. Тетерев).

Всего к настоящему времени на территории УССР известно 517 городищ с находками древнерусского времени X — первой половины XIII вв.

Не по всем памятникам имеются необходимые сведения. Во время обследования не всегда составлялись планы городищ, нечетко определялась их топография. Основным критерием хронологии городищ является собранный на них керамический материал. Последний иногда датировался исследователями в широком диапазоне «древнерусского времени». Для подавляющего большинства городищ установлена более конкретная датировка по столетиям. При этом необходимо иметь в виду возможные случаи возведения укреплений — валов и рвов на уже существующем поселении. Раскопки самих валов с целью поиска в них датирующих вещей требуют больших по объему и длительных по времени исследований. Археологические находки, встречающиеся в валах и в их основании, в одних случаях происходят из культурного слоя, отложившегося до сооружения укреплений и использованного для насыпи вала, в других — могут относиться ко времени функционирования укрепленного пункта и связываться с перестройкой и усилением укреплений, последующим расползанием насыпи валов, использованием жителями внутривальных помещений-клетей, дополнительным сооружением валов со стороны естественных преград на мысовых укреплениях и т. д. Кроме того, не всякая находка пригодна для уточнения хронологии в пределах древнерусского периода. Более надежные результаты дают раскопки внутренней площади городищ, получение сведений о расположении жилищно-хозяйственных комплексов по отношению к валу.

К настоящему времени известно немного памятников, исследованных в такой степени.

Используя материалы раскопок и разведок, можно достоверно выделить укрепленные пункты конца XI — первой половины XIII вв. Многие из них возникли в более раннее время. Кроме того, часть более ранних укреплений запустела к XI в. и в XII—XIII вв. не существовала, а некоторые после запустения вновь возобновили свою деятельность.

Городища сосредоточены главным образом в лесостепной зоне УССР и в меньшем количестве в северных полесских районах. Их ареал очерчивает почти всю южную территорию древней Руси. На западе часть древнерусских городищ находится на территории современной ПНР (в верховьях рек Сан, Вепш и вдоль западных притоков Западного Буга). На юго-западе в состав Руси входило Верхнее и Среднее Поднестровье, верховья Прута и Сирета. Городища в верховьях Тисы (современная Закарпатская область УССР) принадлежали местным восточным славянам, а впоследствии древнерусскому населению, находившемуся в политической зависимости от древневенгерского государства. Южная граница Руси проходила по Среднему Поднестровью, верховьям Южного Буга и по Роси в сторону Днепра.

Юго-восточной границей на Левобережье Днепра, особенно в ранний период Руси, являлась р. Сула. В XII в. в условиях борьбы против участившихся половецких вторжений южнорусские княжества распространили влияние на широкую пограничную область с малочисленным древнерусским населением, проживавшим вдоль рек Псел, Ворскла и Северский Донец. Свидетельством этому является оживление жизни и возобновление укреплений на некоторых северянских городищах роменской культуры.

Наиболее ранние городища, возникшие в IX—X вв., очерчивают укрепленные области летописных племен: тиверцев в Среднем Поднестровье; хорватов в Верхнем Поднестровье; верховьях Прута, Тисы и Сана; бужан в верхнем течении Западного Буга;

дулебов между верховьями Днестра и Западного Буга; волынян в бассейне Стыри и Горыни; древлян в междуречье Случи и верховий Здвижа, Ирпеня; уличей в бассейне среднего течения Южного Буга; полян и западных северян, образовавших ядро «Русской земли» на Правобережье Среднего Поднепровья и в междуречье Днепра и Десны.

В конце X—XI вв. наиболее интенсивное строительство укреплений продолжалось в землях волынян, полян, а на Левобережье — в бассейнах Десны и Сулы как на незаселенных местах, так и в области расселения северян. В конце XI — первой половине XIII в. оборонительные сооружения возводились в пределах княжеств, возникших в XI в. на основе слияния более ранних племенных общностей в процессе сложения государственной территории древней Руси. Большое количество новых укреплений возводится в Галицкой земле — в Верхнем и Среднем Поднестровье и верховьях р. Прут. Особенно в значительных масштабах ведется оборонительное строительство в Киевской земле на правобережье Среднего Поднепровья.

Впервые покрывается сетью укрепленных пунктов обширная область в верховьях Тетерева, Южного Буга и Случи. В результате территория Киевской земли распространилась к юго-западу до Галицко-Волынского княжества. На опасном участке южной границы Руси, протяженностью свыше 150 км, был поставлен мощный заслон против половцев. Расположенная южнее этого направления южнобугская группа уличских укреплений, прекратившая существование с появлением половцев во второй половине XI в., уже не восстанавливалась. Древнерусское государство не смогло закрепить за собой и удаленную к югу восточнославянскую область нижнеднестровских тиверцев. Немногочисленная группа укрепленных поселений в междуречье Днестра и Реута (территория современной Молдавской ССР) почти полностью опустела в конце X — второй половине XI в.

Близкое соседство Южной Руси с беспокойной степью с юга и юго-востока, а также древневенгерским и древнепольским государствами с запада вынуждало возводить густую сеть укрепленных пунктов. В Среднем Поднепровье в течение X—XII вв. были сооружены оборонительные линии из укрепленных пунктов и так называемых Змиевых валов южнее и западнее Киева между Днепром и Ирпенем (по рекам Вита и Бобрица), а также по Стугне и водоразделу Ирпень—Здвиж—Тетерев; по Роси и водоразделу Рось—Тетерев; по Днепру и Суле.

С нашествием хана Батыя и распадом Древнерусского государства укрепления к середине XIII в. на большей части Южной Руси теряют свое значение, а в Галицко-Волынской земле во второй половине XIII в. приходят в запустение.

Укрепления обычно возводились на труднодоступных местах — мысах и останцах на краю высоких берегов рек. Но при отсутствии участков с расчлененным рельефом укрепления сооружали и на равнине, выбирая под них наиболее возвышенные места.

Городища на мысах имеют естественные препятствия (склоны обрывов) с двух или трех сторон, на останцах — по всему периметру, расположенные на равнине (возвышении или плоской местности) лишены естественной защиты. Иногда городища только одной стороной примыкают к естественной преграде — обрыву берега реки или оврага. Естественные склоны мысов и останцов, для придания им большей крутизны, в верхней части эскарпировали одним, двумя и тремя ступенчатыми уступами, высотой 3—4 м и более. На каждой ступени-уступе, опоясывавшей склон в виде террасовидной площадки, шириной 3—6 м и более, выкапывался ров, а по внешнему ее краю насыпался вал, чем достигалось увеличение высоты уступа. С

напольной стороны мысовые городища защищались валом и рвом, а иногда — двумя валами и рвами. Нередко вал, как правило меньших размеров, проходит и по краям мыса.

Городища, занимающие останцы, в большинстве случаев имеют по краю вал только с наиболее доступной стороны. Ров на этих участках расположен ниже вала и обычно соединяется с эскарпом на более крутых склонах. На равнинных городищах вал и ров проходят по всему периметру.

Оборонительный ров по краю площадки городищ всегда находится с внешней стороны вала. Но встречаются выемки наподобие рва и с внутренней стороны перед валом, которые иногда воспринимаются как обычные рвы. На самом деле так называемые внутренние рвы не имели оборонительного значения. Они образовывались в результате выборки грунта при вторичной подсыпке вала. Замечено, что такие же рвы встречаются на городищах более древних эпох, но вторично использованных славянами.

На месте въездов на городища сохранились разрывы в валах. На мысовых городищах они расположены на перешейках, то есть со стороны основания мыса (с напольной стороны), а на останцах — с любой наиболее доступной стороны. Иногда для въезда, особенно на останце, использовали эскарпированную террасу, опоясывающую городище в виде серпантина, поднимающуюся по склону на край площадки.

У большинства городищ, так называемых простых, укреплена только одна часть. Существуют также сложные городища, расчлененные валами и рвами, а иногда балками и оврагами на две-три и более укрепленные площадки-части. Сложные городища принадлежат остаткам поселений городского типа. Известны городища сложного плана и незначительными культурными остатками древнерусского времени. Очевидно, они возникли в более ранние исторические эпохи. Известен целый ряд более древних городищ-убежищ с несколькими внутренними валами, рассчитанными на пассивную оборону. Часть из них использовалась в древнерусское время, хотя планировочная структура и не отвечала новым нормам оборонительного строительства.

Форма городищ, занимающих труднодоступные участки местности, зависит в целом от конфигурации последних. На мысах и останцах городища бывают округлыми, овальными, трехугольными, трапециевидными и т. д. Городища на плоской местности и незначительных возвышениях всегда круглой или овальной формы, а городища, в плане которых использованы естественные препятствия с одной стороны (расположенные на краю обрыва), имеют полукруглую форму. На территории УССР округлые городища наиболее распространены на равнинной местности между Днепром и Трубежом и в верховьях Сулы на Левобережье, а также в полесских районах Волыни на Правобережье.

Сохранность городищ различная. Большинство сильно повреждено временем и хозяйственными работами. Особенно значительному разрушению подверглись валы и рвы, в результате чего многие городища потеряли первоначальные очертания, а некоторые полностью уничтожены или находятся на грани исчезновения.

На лучше сохранившихся городищах валы с напольной стороны имеют высоту 4—5, ширину в основании 10—12 м. Обычно внешний склон вала, обращенный ко рву, более крутой, чем внутренний. Рвы в профиле трехугольной или трапециевидной формы с узким дном и крутыми стенками, особенно в нижней части. Глубина рвов в среднем 2—4, ширина 8—12 м. Таким образом, внутренняя стенка рва и внешний склон вала составляли преграду высотой 6—9 м. Кроме того, на валах находились еще и деревянные стены.

В древнерусских письменных источ-

никах валы и рвы не имеют самостоятельных определений, а упоминаются под общим названием «гребля», «гробля». Говоря о строительстве укреплений, летописцы нередко употребляют выражение «срубить город», что указывает на дерево как строительный материал. Встречается в летописях термин «стена», а также название деревянных частей укреплений: нижней — «городни» и верхней «заборола».

Остатки деревянных конструкций открыты в валах почти на всех городищах, где проводились исследования. Это прямоугольные срубы, скреплявшие насыпь вала и обеспечивавшие достаточную крутизну склонам, особенно со стороны рва. При раскопках они встречаются в гнилом или обугленном состоянии. Лучше сохраняются остатки обгоревших при пожаре срубов.

В зависимости от мощности укреплений в валах городищ встречаются один, два и даже три ряда срубов, примыкающих друг к другу и ограничивающих по периметру площадку городища с разрывом только на въезде.

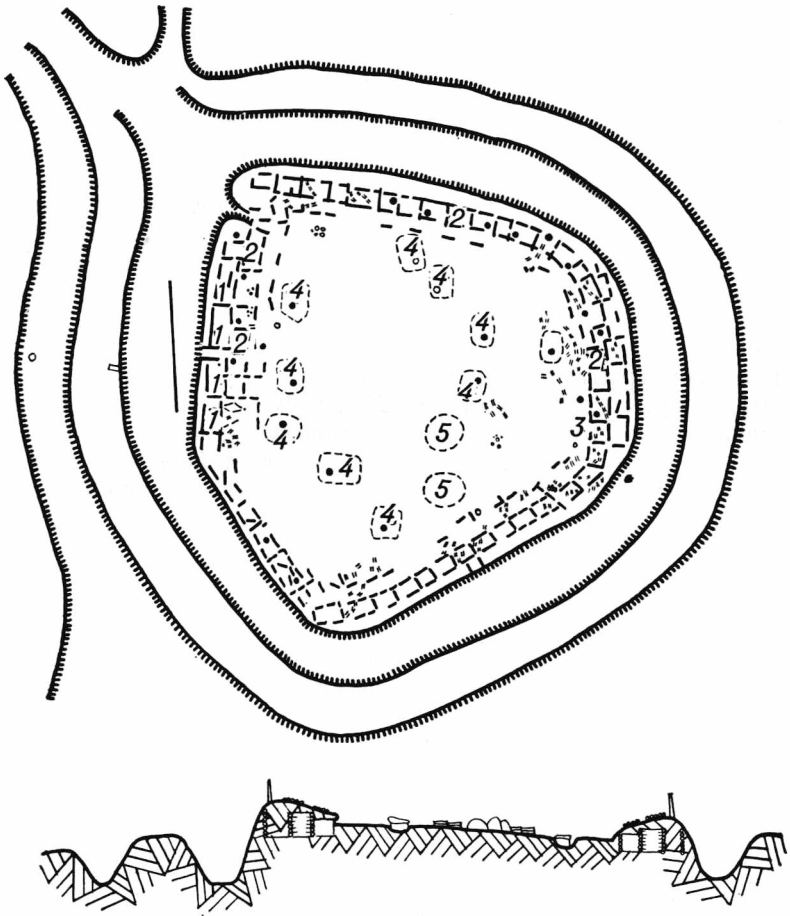


Рис. 92. План Райковецкого городища:
1 — городня;
2 — клеть;
3 — пристройка к клети;
4 — полуземляночное жилище;
5 — сгоревшее сено или солома в стогах.

Известны два основных типа срубных конструкций. В первом случае срубы сооружались вдоль и по ширине вала каждый в отдельности. Концы бревен от стен выходили по углам в узкие промежутки между соседними срубами. Во втором — все срубы конструктивно связаны между собой. Про-

межутков между ними не было, поскольку они имели общие смежные стены. При такой конструкции срубы строились одновременно.

Раскопками открыты срубные конструкции смешанного типа, когда срубы вдоль вала сооружались отдельно, а поперек вала они были взаимосвязаны друг с другом.

В плане срубы имели прямоугольную или квадратную форму. Так как они размещались по кругу или дуге, внутренняя продольная стена их нередко была короче. Такие срубы имели трапециевидную форму. Средние размеры срубов 3—3,5×4 м, но нередко встречаются и с размерами 1,5—2×3 м, 3—3,5×5 м. Исследованиями установлено, что на ранних городищах (X—XI вв.) применялась конструкция из отдельных, приставленных друг к другу срубов. На городищах XII—XIII в. преобладает конструкция из взаимосвязанных срубов.

Срубы заполнялись внутри грунтом (лесом, глиной, песком), вынутым при сооружении рва. С внешней и внутренней стороны они присыпались землей в виде уклонов, образовывавших склоны вала. На обычных городищах встречается в валах по одному, редко — по два ряда засыпанных грунтом срубов. Кроме городищ с засыпанными срубами, известны городища с пустотелыми срубами в валах. В большинстве случаев в одном и том же валу находились как засыпанные, так и пустотелые срубы. При этом засыпались внешние ряды срубов, а внутренние оставались пустотелыми. Заполненные грунтом срубы принято называть летописным термином «городни», а пустотелые — обычно называют «клетями». Укрепления с клетями особенно широко распространены в древнерусское время на территории Среднего Поднепровья [Кучера, 1969]. Они располагались по периметру укрепленной площадки, примыкая с внутренней стороны к городням вала. Обычно клети состояли из одного ряда помещений, но на некоторых городищах открыто по два ряда клетей

Остатки городен, как правило, сохранились в валах в гнилом состоянии. Нередко от них прослеживается древесная труха или пустоты в плотной насыпи с отпечатками истлевших бревенчатых стен. Иногда остатки городен, в особенности в местах перекрещивания бревен, находят в обгорелом состоянии. Обычно стены городен в поперечном разрезе имеют вид волнистой линии, образованной из истлевших округлых бревен, сдавленных по сторонам насыпью вала.

Клети на всех городищах, где они были обнаружены, погибли от пожара. Лучше всего сохраняются нижние бревна стен, на которые во время пожара съехала насыпь вала и как бы законсервировала их неполностью сгоревшие остатки. Городни и клети строились из дубовых бревен диаметром 15—25 см. В единичных случаях в развале дубовых клетей встречаются остатки других пород дерева.

Основным элементом дерево-земляных укреплений являлись городни. Однако валы с одними только городнями встречаются на городищах редко. Они более характерны для городов. Широкое распространение получили укрепления из городен и клетей. Известно немало городищ, где срубная конструкция укреплений представлена только клетями. Валы на этих городищах небольшие — клети имели земляной уклон только с внешней стороны и присыпку вверху. Обычно укрепления из одних клетей сооружались по краям мысовых городищ с высокими эскарпированными склонами.

Кроме оборонительного назначения, клети использовались для хранения различных хозяйственных припасов, а иногда и в качестве жилищ (встречаются печи). В клетях ряда городищ встречаются обугленные зерна злаков, орудия сельского хозяйства, различные бытовые предметы. Иногда в клетях находят очаги, свидетельствующие о временном использовании клетей под жилища, но в подавляющем

большинстве случаев находки отсутствуют. В целом клети как неотъемлемая конструктивная часть укреплений строились без учета специфики их фактического использования. В первую очередь они предназначались как резервные помещения на случай военной опасности. В мирное время их использовали преимущественно как хозяйственные помещения.

На территории УССР в древнерусское время существовали также дерево-земляные укрепления столбовой конструкции. Они состояли из стены в виде частокола, присыпанного с внешней стороны землей. Известны укрепления в виде помещений-клетей, сложенных из горизонтальных бревен и закрепленных посередине и по углам столбами; на них с внешней стороны опиралась земляная насыпь вала. Столбовая конструкция дерево-земляных укреплений открыта на нескольких городищах X—XIII вв. (Грозинцы, Ломачинцы, Дарабаны) в междуречье Днестра и Прута, где она сосуществовала со срубной.

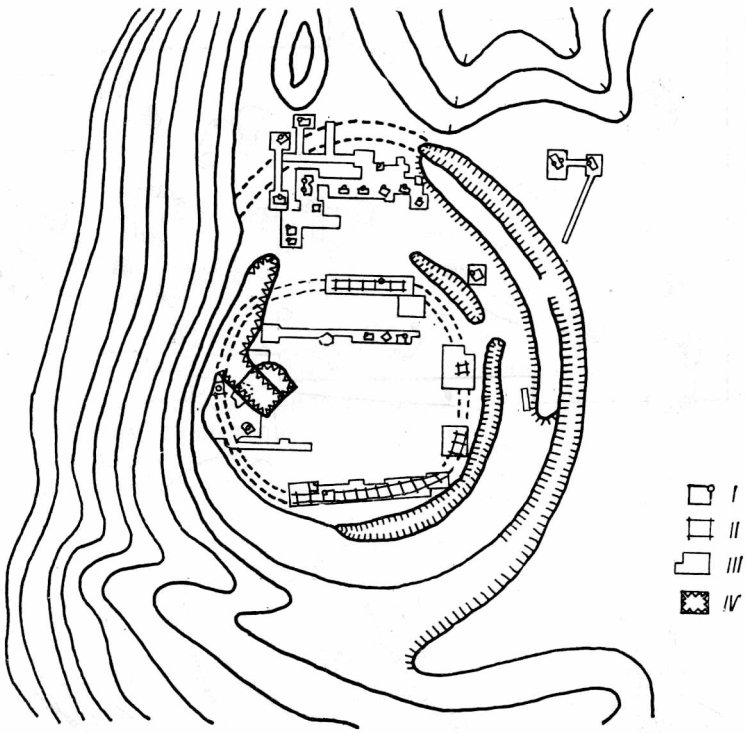
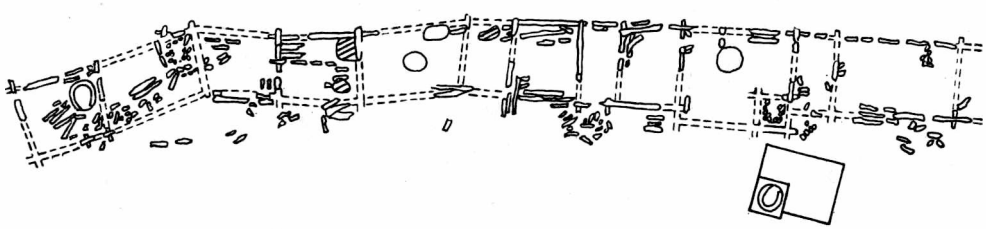


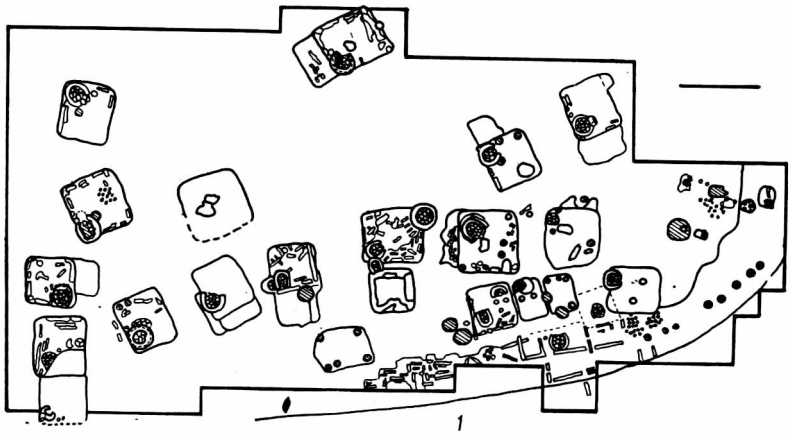
Рис. 93. План Колодяжинского городища:

I — полуземляночное жилище;
II — клеть;
III — раскопы;
IV — современная выборка грунта.

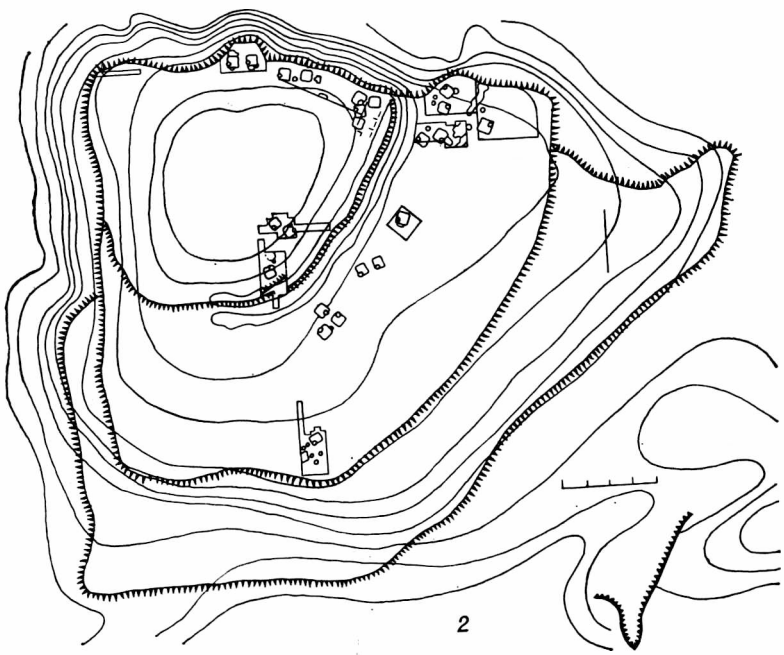


Известны валы, в которых деревянные конструкции отсутствуют. Обычно эти валы образуют вторую, внешнюю линию укреплений или относятся к

городищам раннежелезного века, повторно использованным в древнерусское время. Однако земляные валы без специальных конструкций всередине встречаются по краям укрепленной площадки и на древнерусских городищах, в том числе с напольной стороны. В небольшом количестве они известны на Волыни (Белев, Шепель, Мельница, Тихомль).



1



2

На некоторых городищах в Среднем Поднепровье в валах исследована кладка из сырцовых кирпичей, которая в виде сужающейся кверху стены размещалась с внешней стороны, непосредственно перед городнями, и укрепляла внешний склон вала. Такая конструкция применялась в конце X в. в городском оборонительном строительстве. Она открыта в валах Белгорода, Переяслава, Василева (городище в Василькове на р. Стугна), а на небольших городищах — с. Заречье на р. Стугна.

Сооружение валов требовало прове-

дения трудоемких земляных работ, что было необходимым для обеспечения надежной защиты в наиболее опасной нижней части укреплений. Сверху на валах сооружали стену

Рис. 94. Городища Днепровской оборонительной линии:

1 — план раскопа Иван-Горы; 2 — план Щучинского; городища.

только из бревен. Кроме защиты от стрел, а с конца XII — начала XIII в. и от камнеметов, стена на валу являлась и боевым ярусом, приспособленным для отражения вражеского нападения. Находящиеся в валах городни составляли нижнюю часть укреплений. Первоначально они выходили на поверхность, возвышаясь в виде срубной стены. Об этом свидетельствует обугленность городен в верхней части насыпи вала в результате пожара в наземной части. Замечено, что городни не всегда начинаются с основания вала, а связаны, в первую очередь, с его верхней частью. Кроме того, срубные стены из сплошного ряда помещений-клетей известны на ряде северорусских памятников деревянного зодчества XVI—XVII вв., сохранивших традиции древнерусской архитектуры.

Кроме срубных стен, на валах размещались и стены столбовой конструкции. Такие стены прежде всего характерны для небольших валов, где они являлись конструктивной основой земляной насыпи. Как уже отмечалось, на некоторых городищах Юго-Западной Руси это были частокол и стена из горизонтальных бревен, закрепленных в столбах. Фактически стены были наземными, присыпанные снаружи внизу грунтом. Их столбы крепились не в насыпи вала, а углублялись ниже его основания. Стены аналогичной конструкции могли сооружать и сверху на валах.

Что касается частокола, то выразительных его следов на валах древнерусских городищ не открыто. Остатки двух столбов обнаружены на внешнем склоне вала, у его подножия, на городище возле с. Белев на Волыни [Раппопорт, 1967, с. 121, 135]. Столбы расположены вдоль склона на расстоянии около 60 см друг от друга и наклонены наружу. Они являлись остатками не самой стены, а какого-то дополнительного препятствия на склоне. На городище Иван-Гора возле г. Ржищев на Днепре на значительном протяжении вдоль вершины вала открыты остатки одного ряда столбов, скреплявших, очевидно, стену из горизонтальных бревен. В этом же валу открыты и остатки сгоревших срубов, относящихся, несомненно, к первоначальным укреплениям.

Стены столбовой конструкции по прочности уступали срубным, но их можно было быстрее построить, что в условиях частых пожаров имело немаловажное значение. Сгоревшие срубные стены не всегда восстанавливались, и вместо них сооружали стену столбовой конструкции. В военное время последние использовались для дополнительного усиления основных оборонительных линий. Стены из частокола в виде надолбов устраивались во рвах и на эскарпированных склонах (древний Галич, городище Ревное в Прикарпатье). Столбовая конструкция стен могла находиться также на внешних земляных валах городищ.

На некоторых городищах исследованы въезды в валах. Они были ограничены по сторонам стенами из вертикальных столбов — частокола (Судовая Вишня в Прикарпатье, Заречье на р. Стугна, Старая Ушица на р. Днестр) и имели вид длинного, до 13—15 м, коридора, шириной 2,5—3 м, проходящего через вал и продолжающегося от него на несколько метров далее во внутреннюю сторону. В Судовой Вишне проезд выступал с внешней стороны перед валом, понижаясь в сторону рва. Отметим, что на всех трех городищах в валах открыты срубы, но длинный воротный пролет, тем более на наклонной плоскости, было

практичнее строить из частокола. На городищах Воинь и Райковецкое въезд шириной 2,5—3 м проходил между срубами вала. Воротный пролет здесь, очевидно, не выступал во внутреннюю сторону, хотя он должен был продолжаться ко рву через толщу внешнего земляного наклона вала.

Въезды запирались воротами, крепившимися к прочным опорным столбам. Поэтому в древнерусских источниках въезды всегда называются воротами.

Сверху над воротами могли находиться обычные оборонительные стены. Однако в ряде случаев, судя по археологическим данным и аналогиям позднейшего времени, ворота венчались многоярусной срубной башней. В некоторых древнерусских городах известны каменные ворота (Золотые ворота в Киеве, ворота Киево-Печерской лавры, Епископские ворота в Переяславе, Золотые ворота во Владимире-на-Клязьме). Внизу они состояли из двух параллельных стен, ограничивавших проезд, а выше имели башневидную композицию с церковью, которая, очевидно, одновременно использовалась в случае защиты.

В древнерусских летописях башни упоминаются под названием «столп» и «вежа». При этом до половины XIII в. оба термина применялись к иноземным каменным башням, и только со второй половины XIII в. ими начинают обозначать отечественные башни. Последнее обстоятельство дало основание П. А. Раппопорту вполне справедливо считать, что в доордынское время башни на Руси не имели значительного распространения и использовались в основном для наблюдения [1956, с. 136, 137].

На части городищ на валах или по краю укрепленных площадок открыты различной сохранности кургановидные земляные насыпи диаметром в среднем 6—10 м, на которых могли стоять деревянные башни. Они известны в небольшом количестве преимущественно на памятниках Галицко-Волынской Руси, хотя встречаются и в Среднем Поднепровье и на территории БССР. В большинстве случаев эти насыпи находились у въездов и предназначались для защиты ворот. Часть из них расположена в местах, удобных для ведения наблюдения — на краю городищ, на склонах. Исключением являются городища возле с. Горзвин на Волыни, где насыпь расположена в средней части укрепленной площадки. Здесь, по-видимому, башня предназначалась для защиты всей крепости в целом, тем более что сама крепость имеет незначительные размеры.

В северном углу городища древнерусского города Витачев на Днепре на округлом в плане возвышении Б. А. Рыбаковым исследованы остатки деревянной сигнальной башни [1965, с. 124]. Правда, возвышение имеет размеры целого городища (диаметр 50 м), но по местоположению и внешним признакам оно относится к тому же типу остатков, что и кургановидные насыпи.

Городища, на которых сохранились кургановидные земляные возвышения от башен, датируются X—XI и XII—XIII вв., то есть этот тип оборонительных сооружений применяли на Руси на протяжении всего древнерусского периода.

Очевидно, существовали и иные типы башен, от которых не сохранилось внешних признаков. На некоторых городищах открыты отдельные клети, выступавшие наружу за линию ряда клетей. Небольшие башни могли размещаться в линии срубных стен в любом месте, но определить при археологических раскопках отличия в устройстве верхней части срубных укреплений практически невозможно.

На городище Старая Ушица, укрепления которого погибли в пожаре, в завале и вокруг одной клети, примыкающей к въезду, среди обугленных остатков найдено скопление кусков глиняной обмазки, не характерной для обычных клетей. Очевидно, обмазка происходит из башни, стоявшей в ли-

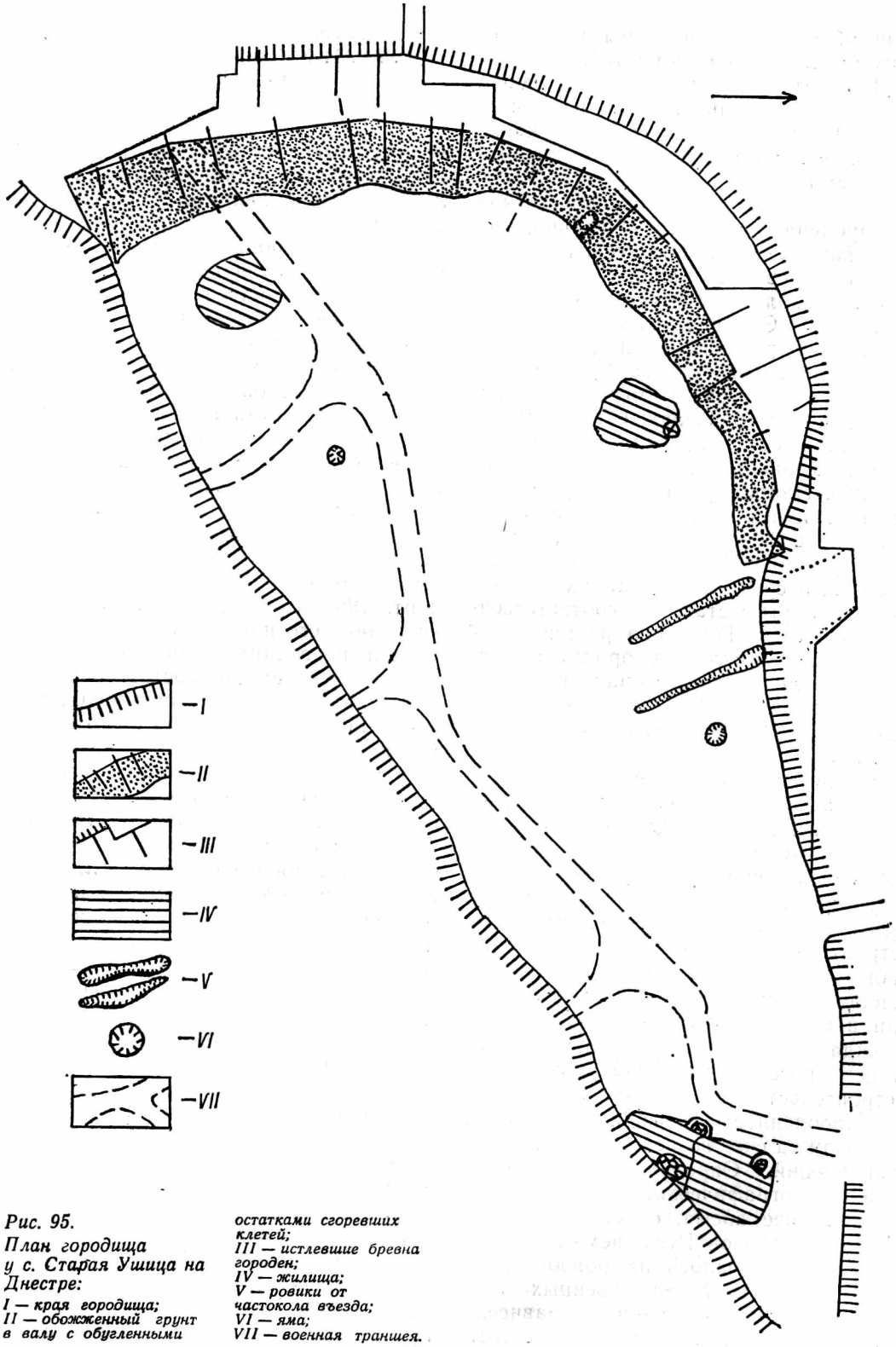


Рис. 95.
План городища у с. Старая Ушица на Днестре:
I — края городища;
II — обожженный грунт в валу с обугленными остатками сгоревших клетей;
III — истлевшие бревна городен;
IV — жилища;
V — ровики от частокола въезда;
VI — яма;
VII — военная траншея.

нии оборонительной стены над нижним ярусом городен и клетей.

В некоторых случаях роль башен выполняли небольшие каменные церкви. Остатки такой церкви конца XI в. сохранились в углу крепостной стены на городище в г. Остер. Согласно летописи, церковь была надрублена деревом. Очевидно, на ней, как предполагают исследователи, стояла деревянная башня.

Около половины известных на территории УССР древнерусских городищ имеют внутреннюю площадь (без валов и рвов) 0,05—0,50 га. Основная их часть (около 65%) ограничивается площадью в пределах 0,05—0,80 га. При этом более поздние городища в целом меньших размеров, чем более ранние. Например, свыше 65% укрепленных пунктов, возникших в конце XI — первой половине XIII в., имеют размеры до 0,50 га и свыше 75% до 0,95 га, а среди более ранних указанные размеры составляют соответственно 26 и 51%. Городища размером от 1 га и более (включая города) составляют среди поздней группы памятников только около 25%, а среди возникших в IX—XI вв.— свыше 40%.

Характерно, что с конца XI в. укрепленные пункты площадью более 1 га возводились очень редко — они единичны. В целом для XII—XIII вв. на территории УССР типично уменьшение размеров вновь возникающих укрепленных пунктов и возрастание их удельного веса в оборонительном строительстве. Объясняется это в основном тем, что городские центры, существовавшие в XII—XIII вв., возникли в более раннее время или же зарождались на более ранних укрепленных поселениях. Оборонительное строительство в период феодальной раздробленности проводилось главным образом за счет возведения небольших укреплений. Определенное значение имел и географический фактор — в более позднее время, с освоением внутренних районов Руси, немало укреплений основывалось на ровной местности, лишенной естественных преград. Такие укрепления не зависели от размеров и конфигурации естественных мысов и останцов, им придавали наиболее рациональную округлую форму, и занимали они небольшую площадь.

Размеры городищ являются одним из важных признаков, позволяющих судить о значении и роли того или иного укрепленного пункта. В первую очередь сказанное относится к выделению среди них остатков городов. Это обычно сложные городища, состоявшие из детинца и окольного града. П. А. Раппопорт отметил, что среди небольших городищ сложного типа площадью менее 3 га имеются настоящие города. Что касается укрепленных поселений простого типа площадью менее 1 га, то они почти наверняка не имели городского характера [Раппопорт, 1967, с. 190]. При определении значения того или иного укрепленного пункта необходимо учитывать также степень его заселенности, насыщенность археологическими находками культурного слоя и, особенно, сведения письменных источников. Пожалуй, не остался вне внимания древнерусской летописи ни один сколько-нибудь важный городской центр на территории Южной Руси.

Сопоставляя сведения о количестве городищ различных размеров на территории УССР с археологическими данными и письменными источниками, можно предположить, что все заселенные укрепленные пункты площадью 2 га уже отличались не только от древнерусских сел, но и от обычных укрепленных поселений. Они входили в число мелких городов — поселений городского типа, являвшихся местными административно-хозяйственными и военными центрами и занимавших низшее звено в системе княжеского управления.

К перечисленным выше 37 пунктам можно с большой долей вероятности добавить еще 9 поселений городского типа, остатками которых являются преимущественно сложные городища

площадью 3—7 га с культурным слоем X—XIII и XI—XIII вв. Это Торговица, Жорнов, Мельница на Волыни; Городница и Бильче-Золотое в Среднем Поднестровье; Старая Котельня в бассейне р. Тетерев (очевидно, летописная Котельница). Из более мелких можно назвать сложное городище Гоща (2,4 га) на р. Горынь в районе г. Ровно. К аналогичным пунктам с культурным слоем конца XI—XIII вв. площадью 3—4 га относятся городища возле с. Городище близ г. Шепетовка и в с. Шевченково Галичского района на Днестре. На последнем культурный слой в большей его части отсутствует, но около 1200 г. на нем была построена каменная церковь Пантелеймона, дошедшая в перестроенном виде до наших дней.

Городской характер могли иметь городища, площадь которых превышала 2 га: возле с. Рогоща (летописный Оргощ) в бассейне р. Десна; археологически слабо исследованное городище летописного Шеполя в с. Шепель на Волыни; Китаевское городище в Киеве (очевидно, летописный Пересечен); около с. Михнов на р. Горынь (в районе бывшего с. Гнойницы, очевидно, летописная Гнойница); Паляновщина возле бывшего с. Жовнин; Тарасовка; летописный Лукомль; Сверидовка; Красный Колядин (летописный Глебль?); Шевченково в Посулье; Ташань на р. Супой; Воргол в Посеймье. Судя по насыщенности культурного слоя на значительной укрепленной площади, к ранним городам относятся и три населенных пункта, опустевших в XI — начале XII в., расположенных на территории Волыни и Прикарпатья; сложные городища Коршев (4 га); Листвин (свыше 7 га) и Ступница (около 14 га).

Известно еще свыше 10 укрепленных пунктов площадью от 2 до 7 га, существовавших в XII—XIII вв. и возникших, за единичными исключениями, в более раннее время (Городец в Житомирском Полесье; Будераж на Волыни; Залесье, Стенка, Капустницы, Приворотье, Грозинцы в Среднем Поднестровье; Шабалинов в Посеймье; Петровка в верховьях р. Супой; Хитцы на р. Удай; Журавное на Ворскле; Бушево на Роси).

Отметим, что размеры укрепленной площади не всегда соответствовали реальному общественно-экономическому значению населенного пункта. Если даже возводились новые мощные и обширные укрепления, то и в этих случаях они иногда диктовались иными потребностями. Например, убежище торков — городище Бушево в пойме рек Рось и Ольшаница площадью 3,8 га. В его огромном кольцевом валу сохранились остатки расположенных на двух разных уровнях двух рядов сгоревших клетей. Таких случаев немного. В древнерусское время широкое распространение получило использование городищ раннежелезного века, в том числе больших, сложного плана. На них не всегда восстанавливались все оборонительные линии, не всегда заселялись и все их части. В свою очередь, на ряде древнерусских городищ основывались позднесредневековые укрепления. Иногда они дополнялись внешними укрепленными частями с валами и рвами. Без проведения квалифицированных целенаправленных исследований трудно разобраться во всех этих вопросах, и поэтому нельзя отождествлять все крупные городища с крупными населенными пунктами.

С другой стороны, нельзя отрицать возможность существования городских поселений на городищах площадью немногим менее 2 га, например, на городище летописного Вьяханя у с. Городище на р. Терны (1,8 га), городища летописного Тумаща возле с. Старые Безрадичи на р. Стугна (1,8 га). К обоим городищам примыкают обширные селища: около с. Городище свыше 10 га; у с. Старые Безрадичи около 10 га; селище в уроч. Местечко, площадью 8 га, с напольной стороны защищено со всех сторон естественными преградами — крутыми склонами мыса и глубоким оврагом.

Среди небольших древнерусских ук-

репленных пунктов, являвшихся объектами массового оборонительного строительства, исследователи выделяют феодальные замки и крепости (или сторожевые города). Летописные сообщения первой половины XIII в. и документы XIV в., указывающие местопребывание отдельных феодалов в тех или иных населенных пунктах, среди которых имеются древнерусские городища (упоминание боярина Климяты из Голых Гор, боярина Филиппа из Вишни) или называющие отдельных феодалов по имени аналогичных населенных пунктов (например, боярин Карабчеевский, князь Рогатинский и т. п.), дали П. А. Раппопорту основание высказать предположение, что в данном случае речь идет о феодальных замках — княжеских и боярских укрепленных усадьбах [1967, с. 191]. К их числу на территории бывшего Галицко-Волынского княжества исследователь относит городища в с. Гологорки (0,60 га), пгт Судовая Вишня, с. Подгородье (0,55 га), с. Великий Карабчеев (0,50 га), расположенные в Верхнем и Среднем Поднестровье и др. Исходя из этих данных, П. А. Раппопорт считает, что для городищ — остатков феодальных замков, в особенности боярских, характерны сравнительно небольшие размеры, бедный культурный слой и сильная оборонительная система. Ученый высказал предположение, что феодальные замки существовали на ряде других городищ Волыни (Острожец, Одерады, Посников и др.) с культурным слоем конца X—XIII в. К княжеским замкам он относит летописные «города» Болоховской земли — Кудин, Губин, Деревич и другие городища, сохранившиеся в верховьях рек Южный Буг, Случь и Тетерев.

К крепостям П. А. Раппопорт относит городища типа Райковецкое и Колодяжин, в оборонительных валах которых имеются хозяйственные и жилые клети. На этих городищах в результате многолетних раскопок найдены различные сельскохозяйственные орудия и предметы воинского снаряжения. По мнению П. А. Раппопорта, здесь проживали свободные воины-земледельцы, своего рода военные поселенцы. Наличие таких укреплений в Южной Руси диктовалось необходимостью защиты населения от кочевников [Раппопорт, 1966, с. 115; 1967, с. 193].

Иное мнение высказал В. И. Довженок. Укрепленные пункты с клетями типа Райковецкого городища он считал феодальными замками — хозяйственными дворами феодалов, основную часть населения которого составляла феодально-зависимая челядь, выполнявшая земледельческие работы, а также рабы. Из зажиточных слоев общества в них проживали представители вотчинной администрации и воины-дружинники. Во время опасности все население, владеющее оружием, становилось воинами (Довженок, 1975, с. 3—14].

Укрепления, построенные князьями против степных кочевников вдоль южных и юго-восточных рубежей Руси, В. И. Довженок называл сторожевыми градами, в которых жили различные представители военного сословия. Большинство сторожевых градов, по мнению В. И. Довженка, объединяли черты пограничных крепостей с феодальными замками. Они были заселены, кроме воинов, обычным для феодальных замков людом, хотя и отличались от последних формой собственности. Были среди них и пограничные крепости, в которых постоянно жили небольшие отряды, несшие сторожевую службу. Остатками их являются самые маленькие по размерам, но наиболее неприступные городища [Довженок, 1975, с. 11, 13]. По мнению П. П. Толочко, в социальном плане «сторожевые города» В. И. Довженка лучше подходят под определение военно-феодальных поселений [1980, с. 162].

Так, попытки выяснить социальные типы укрепленных пунктов даже на примерах наиболее изученных памятников массового оборонительного строительства привели исследователей

к различным выводам. По одним только археологическим, к тому же незначительным материалам, трудно восстановить социальный состав жителей того или иного городища, их сословную принадлежность и характер зависимости. Более того, само понятие феодального замка не имеет единого определения. П. А. Раппопорт считает, что феодальный замок — это укрепленная усадьба, крепость и жилище феодала одновременно. По В. И. Довженку, феодальный замок — это укрепленный хозяйственный двор феодала, на котором не обязательно проживание самого владельца-вотчинника.

П. А. Раппопорт и В. И. Довженок по-своему правы, если учесть, что они поставили вопрос о древнерусских феодальных замках только на конкретных археологических примерах, но не решили его.

В приведенных П. А. Раппопортом примерах феодальный замок рассматривается как жилище феодала с хозяйственным двором на завершающем этапе феодального дробления древнерусских земель, разоренных ордами хана Батыя. Но в доордынский период существовали феодалы, в частности князья высших рангов, имевшие по нескольку хозяйственных дворов, хотя жить в каждом из них не было необходимости. Именно в этом плане рассматривает В. И. Довженок укрепленные пункты типа Райковецкого городища.

В связи со сказанным отметим, что ни феодальные усадьбы, ни феодальные хозяйственные дворы с каким-либо определенным типом городища связать невозможно. «Города» Болоховской земли, которые П. А. Раппопорт относит к числу княжеских замков, имеют, как показали последующие исследования, тот же самый характер укреплений и находок, что и городища, относимые П. А. Раппопортом к крепостям, а В. И. Довженком — к хозяйственным дворам феодалов. И дело не только в недостаточной археологической изученности городищ, а в действительном несоответствии археологического облика укрепленных пунктов с их социальным характером.

Мы считаем, что городища необходимо различать по степени их заселенности, размерам, наличию и характеру примыкающих к ним неукрепленных селищ.

Эти признаки имеют прямое отношение к характеру не только самих городищ, но и населенных пунктов в целом, состоявших из укрепленной и неукрепленной частей.

Степень заселенности городищ, в отличие от примыкающих к ним селищ, самая различная. Рассмотрим наиболее типичные примеры.

Известны городища вообще без следов заселения или на которых встречаются лишь отдельные находки. Вместе с тем они имеют небольшие, а иногда и долговременные обычные селища: Затурцы в верховьях р. Турия на Волыни — IX—XII вв.; Одерады в Киверцевском районе Волынской области — XI в.; Сухолесы в среднем течении р. Рось — XI—XIII вв.; Василев — XII—XIII вв.; Красное 2 — XI — XIII вв. на р. Красная; Малый Букрин на Правобережье Среднего Поднепровья и Набутов на р. Рось — XII—XIII вв.; Процев, Головуров, Веселиновка на Левобережье — XII—XIII вв.; Городище, Каленики в районе г. Переяслав-Хмельницкий, Самсонов остров возле с. Сенча на р. Сула — XI—XIII вв. и др.

Изредка встречаются городища с незначительными культурными остатками, при которых селища не обнаружены: Рудня, городище на р. Гнилопять Житомирской области; Грицев на р. Хомора в Шепетовском районе Хмельницкой области; Уляники в Кагарлыкском районе Киевской области; Новая Слобода в районе г. Путивль и др.

Все перечисленные городища небольшие — 0,05—0,35 га, но отдельные достигают 0,5 и даже 0,95 га. Часть из них относится к раннежелезному веку и временно использовалась жителями небольших древнерусских посел-

ков для защиты или других общественных мероприятий. Другая часть имеет типичную древнерусскую конструкцию валов с клетями и городнями и, судя по находкам обломков керамики, временно использовалась в оборонительных целях. На некоторых из городищ проведены разведывательные раскопки (Процев, Городище, Затурцы), на других — шурфовка или тщательный осмотр свежевспаханной поверхности. Вопрос о наличии на них хотя бы двух-трех стационарных жилищ остается открытым.

Среди памятников более раннего времени, почти лишенных культурного слоя, исследовано городище возле с. Бабка на р. Стырь в Ровенской области, служившее, очевидно, убежищем и административным центром неукрепленного поселения. Округлая площадка городища диаметром 30 м (0,07 га) раскопана полностью, а окружающий ее вал со рвом разрезаны поперечной траншеей. Городище принадлежит, очевидно, к милоградской культуре раннежелезного века. Вторично оно использовалось восточными славянами в VII в., а в конце IX—X в. его укрепления были реконструированы. На площади городища найдены три кремневых орудия: наконечник стрелы, скребок и ножевидная пластинка,— относящиеся, несомненно, к дославянскому времени. На площадке найден 31 обломок глиняных сосудов, из которых примерно половина лепных датируется VII—VIII вв., половина гончарных — концом IX—X в., а также большой железный нож.

Жилища не найдены, но прослежены остатки очагов в виде скопления золы и угольков. Вдоль вала по периметру площадки открыто 13 длинных корытовидных ям, образовавшихся в результате повторной подсыпки вала, очевидно, в конце IX—X в. в связи с устройством срубной конструкции. Обугленные остатки срубов, очевидно клетей, обнаружены в разрезе насыпи вала. В конце X — начале XI в. укрепление прекратило существование вместе с большим по площади селищем, на котором раскопаны два полуземляночных жилища, две полуземлянки хозяйственного назначения и несколько хозяйственных ям VII—X вв.

На большинстве городищ аналогичных размеров имеется слабый культурный слой, как правило, значительно беднее, чем на примыкающих к ним селищах, занимающих обычно площадь по нескольку, а то и более 10 га. На ряде этих городищ проводились разведывательные раскопки: Белев в бассейне р. Горынь — XI—XII вв.; Витачевское (Южное) на Днепре — конец XI—XIII вв.; с. Половецкое на р. Рось — конец XI—XIV вв.; Веремеевка (бывший хут. Миклашевский) на левом берегу Днепра — конец X—XIII вв.; Кизивер на р. Сула — конец X—XIII вв. Почти полностью раскопаны городища Старая Ушица и Гринчук на Среднем Днестре и Зарубинцы в Среднем Поднепровье.

На городище XII—XIII вв. возле с. Старая Ушица Каменец-Подольского района Хмельницкой области полностью исследована сохранившаяся часть площадью 0,07 га (остальная часть, примерно такая же по площади, срезана р. Днестр). На укрепленной площадке открыто два полуземляночных разновременных жилища (частично перекрывали друг друга) и остатки двух наземных жилищ. В валу, окружавшем городище, найдены городни и клети. Всего в сохранившейся части вала исследовано свыше 20 сгоревших клетей. В одной из них открыт очаг в виде углубления в материковом грунте, а во второй — такой же углубленный очаг, но обмазанный изнутри глиной. В первой клети вокруг очага и в его золисто-угольном заполнении найдены крупные обломки костей животных и фрагменты глиняной посуды. Во второй — бронзовая шпора, боевой железный нож с остатками деревянных ножен, два серебряных кольца от портупеи, два раздавленных горшка возле очага и многочисленные кости животных, разбросанные на полу клети. Аналогичное скопление обломков

костей животных открыто и в соседней клети.

В культурном слое на площади городища и в жилищах обнаружена в основном глиняная посуда и обломки костей животных, а также единичные предметы бытового назначения (ножи, наконечники стрел, гвозди, украшения от конской сбруи, несколько обломков стеклянных браслетов, серебряные подвеска и кольцо, железный ключ и т. п.). Из орудий труда на городище найдены только железное долото и два шиферных пряслица.

Непосредственно перед городищем выразительных следов селища не обнаружено (встречаются лишь единичные обломки керамики). Возможно, оно срезано рекой.

Городище является остатками древнерусского «города» Ушица, упоминаемого в летописи под 1144 и 1159 годами. Согласно последнему сообщению, в Ушице постоянно проживало немного населения. В связи с военной опасностью галицкий князь Ярослав Осмомысл заблаговременно послал в Ушицу военный отряд, который и держал «город» в своих руках. Сопоставление археологических и летописных данных свидетельствует, что городище Старая Ушица является остатками одной из крепостей Галицкого княжества в Среднем Поднестровье, в которой не было постоянного воинского гарнизона, а проживал ограниченный контингент «служилых людей».

Вторая аналогичная крепость исследована в этом же районе на городище возле с. Гринчук. На почти полностью раскопанной площади городища (0,13 га) открыто два полуземляночных и одно наземное жилища, а также два хозяйственных полуземляночных сооружения и четыре ямы. В валу, ограждавшем более половины периметра городища (кроме стороны, ограниченной крутым обрывом Днестра), открыты остатки стоявших рядом сгоревших клетей. На одном из краев площадки обнаружено девять расположенных друг возле друга углубленных очагов, обмазанных изнутри глиной и размещавшихся непосредственно перед клетями. Неподалеку находилось углубление с железными шлаками, возможно, остатки кузнечного горна. Находки, помимо керамики и костей животных, представлены снаряжением всадника и предметами вооружения (семь железных шпор, наконечники стрел, обломок лезвия сабли или палаша), обломком бритвы, бронзовым крестом-энколпионом. Отсутствуют орудия труда и почти нет предметов женского обихода (одна бусина и несколько шиферных пряслиц).

Как и в Ушице, на этом городище постоянно проживали немногочисленные представители княжеской администрации. Очевидно, на более длительное время здесь оставались воинские отряды, о чем могут свидетельствовать летние очаги и значительное количество предметов воинского быта. Неукрепленная часть поселения почти в десять раз превышала по площади городище, но насыщенность культурного слоя слабая. Разведывательными раскопками на селище открыта одна полуземлянка.

Почти полностью исследовано городище летописного Заруба возле с. Зарубинцы на высоком правом берегу Днепра напротив Переяслава-Хмельницкого. В летописи Заруб начиная с 1096 г. упоминается неоднократно в связи с его местоположением у брода через Днепр. Обычно к Зарубу подходили отряды киевских князей, для того чтобы воспрепятствовать переправе на правый берег их противников со стороны Переяславля.

На городище, площадью 0,65 га, открыто пять полуземляночных жилищ конца XI—XIII вв. и 12 — конца VIII—X вв., что указывает на незначительную его заселенность в поздний период. Кроме того, с напольной стороны к городищу примыкает в пять раз бóльшая по размерам, но слабее укрепленная внешняя площадка, которая в ранний период была заселена, а в XII—XIII вв. находилась в запустении и частично использовалась под

кладбище. Археологический материал XII—XIII вв. на городище обычен и в целом беднее находками более раннего периода, среди которых имеются импортные монеты и оригинальные украшения.

В ранний период укрепленное поселение было заселено полянами и входило в состав приднепровской «Русской земли». К концу X в. оно пришло в упадок, очевидно, в связи с набегами печенегов, когда при киевском князе Владимире Святославиче граница Руси на правобережье Среднего Поднепровья была уже укреплена по р. Стугна. В 30-х годах XI в. государственной границей на Правобережье стала р. Рось, а в конце XI в. началось строительство внутренней оборонительной линии по Днепру. Одной из первых среди новых укреплений на части более древнего городища возникла Зарубская крепость.

Непосредственно перед городищем на террасах берега Днепра открыто селище с материалами конца XI—XIII вв., а неподалеку, вверх по течению реки, на полукруглой террасе в коренном берегу размещался Зарубский монастырь. На его площадке исследованы фундаменты двух каменных церквей XI и XII вв. В возвышающихся с трех сторон крутых склонах коренного берега прослежены следы от завалившихся, очевидно нишевидных, монашеских келий. Напротив Заруба в устье р. Трубеж находилась укрепленная гавань Переяславля.

Местоположение Заруба возле брода, важном транспортном узле на Днепре, способствовало торговым занятиям населения, о чем свидетельствуют находки обломков привозных амфор на территории монастыря. Зарубская крепость принадлежала не монастырю, а киевскому князю. Монастырь, несомненно, пользовался правом иммунитета на земельные владения и, по-видимому, в церковном отношении был тесно связан с духовенством соседнего Переяславля. Весь этот комплекс, состоявший из неукрепленного поселения, крепости и монастыря, постепенно становился населенным пунктом городского типа.

На других аналогичных городищах с недостаточно выраженным культурным слоем также открыты немногочисленные стационарные жилища, хотя при них открыты, как уже упоминалось, селища с обычным культурным слоем, превышающие городища по площади нередко в десятки раз. По-видимому, незначительного количества обитателей было достаточно для выполнения особых обязанностей по поддержанию порядка в крепости.

Среди более ранних укреплений с достаточно выраженным культурным слоем, но заселявшихся в период военной опасности, полностью раскопано уличское городище X—XI в. возле с. Селевинцы в Немировском районе на Южном Буге. На его площадке (0,75 га) найдены различные бытовые изделия, орудия сельского хозяйства и ремесла, наконечники стрел, многочисленные обломки керамики, кости домашних животных, десятки человеческих скелетов, преимущественно детей, женщин и мужчин пожилого возраста со следами преднамеренного убийства. Однако стационарные жилища в виде полуземлянок, характерные для расположенного рядом селища, открыты в единичных случаях, хотя исследованы остатки временных навесов и множество ям для хранения различных припасов. П. И. Хавлюк, изучавший это укрепление, не без оснований считает, что жители селища прятались здесь в случае опасности, и относит все человеческие скелеты к жертвам вражеского нападения.

Городище, как и другие уличские укрепления в Южном Побужье, возникло в X в. и прекратило существование в начале второй половины XI в. П. И. Хавлюк отмечает два периода в использовании городища и два периода в строительстве его оборонительных сооружений. Первыми напали, очевидно, печенеги. Окончательно запустели городище и селище в результате вторжений половцев.

На городище возле с. Червоное (0,60 га) в том же районе в горелом культурном слое на площади 408 м² открыто свыше 10 хозяйственных ям с обугленными зернами от различных злаков и не обнаружено ни одного жилища. Найдено 50 железных изделий, в том числе предметы вооружения и повседневного быта, кузнечное зубило, кричное железо, 5 серебряных гроздевидных сережек и 4 демонетизованных дирхема, использовавшихся в качестве подвесок к ожерелью. На этом городище почти отсутствуют кости животных. Найдено очень мало обломков глиняной посуды. Возле городища расположено большое селище с полуземляночными жилищами, ремесленными горнами. Культурный слой насыщен различными находками.

Для уличских городищ, в отличие от селищ, вообще характерно отсутствие сколько-нибудь выразительного культурного слоя. Последний встречается только на тех укрепленных памятниках, которые имеют следы пожара и расположены в направлении с юго-запада на северо-восток — по пути неприятельского вторжения. Южнобугские укрепления размещены густо, в 3—4 км друг от друга, а то и попарно и, как правило, находятся на всех селищах. В мирное время крепости были административно-хозяйственными центрами сельских общин.

Примерно около половины городищ на территории Украинской ССР имеет хорошей насыщенности культурный слой, нередко более интенсивный, чем на прилегающих селищах. Размеры городищ различные — от маленьких (площадью 0,10—0,30 га) до сравнительно больших (площадью 1—1,5 га).

Более чем на 10 городищах проведены значительные раскопки: Перемышль X—XIII вв.— 1,1 га; городище возле с. Чаруково X—XIII вв.— 0,75 га; Муравица на Волыни XI—XIII вв.— 0,60 га; Городище в Деражнянском районе Хмельницкой области и Телиженцы в верховьях Южного Буга XII—XIII вв.— около 1 га; Колодяжное на р. Случь XII—XIII вв.— 1 га; Ходоров XII—XIII вв.— 0,21 га; Иван-Гора XII—XIII вв.— 1 га; Волынцево IX—XIII вв.— 0,45 га; два Ницахских городища IX—XIII вв.— 0,10 га и 0,20 га. Раскопаны полностью Райковецкое городище XII—XIII вв.— 0,30 га и центральная часть городища около Судовой Вишни XI в.— 0,30 га.

Центральная укрепленная часть на городище Судовая Вишня в плане ромбовидная, окружена по периметру земляным валом. Первоначально в валу находился один ряд клетей, которых насчитывалось, судя по сгоревшим остаткам, примерно 47—48. Во многих клетях найдены обломки керамики (реставрировано 30 горшков), целые жерновые камни и их обломки, кости домашних животных. Печей в клетях не обнаружено. Керамика из клетей однотипная и датируется концом X — началом XI в. На самой площадке городища керамики найдено мало, но она обнаружена в полуземлянках в южной части городища. Очевидно, в клетях в момент опасности укрывалось население городища.

Через какое-то время остатки сгоревших клетей, возможно, были присыпаны дополнительной насыпью вала, и эта часть городища начала заселяться. По ее краю, в том числе на внутреннем склоне вала, открыто 24 полуземляночных жилища с керамикой XI в. Наиболее характерный археологический материал из жилищ представлен единичными находками серпов, тесел, долот, значительным количеством точильных брусков, перекрестием сабли, шпорой, конскими удилами, немногочисленными наконечниками стрел. Как видно, жители занимались различными ремеслами. Среди них были, как справедливо отмечает автор исследований А. А. Ратич, и военные.

В конце XI — начале XII в. жизнь на городище прекращается. Другие его части запустели еще раньше.

Райковецкое городище погибло от пожара в результате, вероятно, нашествия орд Батыя в 1241 г. В валу,

окружавшем со всех сторон округлую площадку, открыто свыше 50 сгоревших клетей, которые местами размещались в два ряда. Почти во всех клетях найден различный хозяйственно-бытовой инвентарь и предметы вооружения. Более чем в 10 клетях обнаружены печи, в одной клети — кузница, в другой — литейно-ювелирная мастерская. На площадке городища исследованы восемь полуземляночных жилищ. Здесь же обнаружены зольные пятна от сгоревших стогов сена и загон для скота. Находки представлены орудиями земледелия, кузнечного, ювелирного и деревообрабатывающего ремесла, вооружением. На площадке городища и в клетях расчищено множество скелетов погибших жителей, а также домашнего скота.

На селище возле городища исследовано несколько сгоревших полуземляночных жилищ. В некоторых из них найдены человеческие скелеты. То же обнаружено и на селище, расположенном в 0,5 км от городища.

Городище в с. Колодяжное является остатками летописного «города» Колодяжин, который в 1241 г. был разгромлен ордами Батыя. Оно состоит из двух укрепленных частей — округлой внутренней — площадью 0,45 га и охватывающей ее с трех сторон внешней — площадью 0,55 га. Исследовано менее половины внутреннего вала с клетями и примерно 1/8 часть площади во внутреннем и внешнем укреплениях. Открыты остатки от 24 сгоревших клетей и 21 полуземляночное жилище с различным бытовым и производственным инвентарем, скелетами погибших мужчин, женщин и детей. Металлических изделий найдено меньше, чем на Райковецком городище, но они представлены теми же группами орудий сельского хозяйства и земледелия, кузнечного, литейно-ювелирного и деревообрабатывающего ремесла, предметами вооружения и быта. К городищу примыкает селище, на котором раскрыто четыре полуземлянки.

По устройству, обстоятельствам гибели, характеру находок аналогичными памятниками в западной части Киевской земли являются городища возле сел Телиженцы и Городище в верховьях Южного Буга. Это постоянно заселенные укрепленные пункты, население которых занималось различной ремесленной деятельностью, но главным образом земледелием. В социальном отношении их жители не были равными, о чем свидетельствуют находки на всех упомянутых городищах дорогих серебряных украшений и оружия профессионалов-воинов. Под управлением военно-феодальной верхушки укрепленных поселений находились и жители неукрепленной части населенных пунктов.

Не исключено, что с приближением нашествия орд Батыя, падением под ударами завоевателей почти всех крупных городских центров в восточной части Руси население укрепленных пунктов западных районов Киевщины, уже до этого обособившееся в так называемую Болоховскую землю, заблаговременно подготовилось к обороне. Очевидно, к моменту опасности в укреплениях временно проживала и часть жителей селищ, используя для этого клети. Количество орудий сельского хозяйства и бытовой утвари на городищах данного района превышает потребности постоянного населения. Открытие загона для скота, в том числе скелетов коров, свиней и овец в клетях, двух стогов сена или соломы, рядом с немногочисленными стационарными жилищами на маленькой площадке Райковецкого городища, также позволяет говорить о чрезвычайных условиях жизни в укреплении накануне разгрома.

К описанному типу постоянно заселенных военно-феодальных укрепленных пунктов, жители которых занимались хозяйственно-производственной деятельностью, относятся городища XII—XIII вв. Иван-Гора и Ходоровское. По их краю размещались укрепления из клетей, а на площадках — полуземляночные жилища. Кроме обычных вещей, на Иван-Горе найде-

ны, хотя и в меньшем количестве, свинцовая печать, копье, стремена, удила, долото, обугленные зерна ржи, пшеницы, проса, а на Ходоровском городище — костяные накладки от лука, обломки стеклянной посуды, бронзовые крестики с эмалью, множество обломков стеклянных браслетов, остатки местного производства глазированной керамики. Более долговременные из исследовавшихся укрепленных пунктов, существовавших в XI—XIII и в IX—XIII вв., имеют тот же характер укрепленных поселений сельского типа с находками различных орудий труда, а также предметов вооружения (Перемыль; Городище возле с. Чарукова; Муравица на Волыни; Волынцево на Сейме в районе Путивля; Ницаха в бассейне Ворсклы).

На малых по площади городищах постройки обычно расположены по краю площадки (Ходоров, Судовая Вишня, Райки, Гринчук, Старая Ушица, Зарубинцы), на более крупных — на всей площади и образуют, как правило, подворно-рядовую застройку (Городище, Телиженцы, Колодяжное — внешняя часть, Иван-Гора, хотя на последнем имеется по краю, возможно более ранняя, и кольцевая застройка). Известны исключения: городище возле с. Волынцево (очевидно, летописный город Зартый 1160 г.), несмотря на небольшие размеры (0,45 га) имеет подворно-рядовую застройку. Последняя позволяла более компактно использовать полезную площадь и, главное, отвечала потребностям ведения индивидуального хозяйства. Она характерна для городов и неукрепленных сельских поселений. Кольцевая система застройки предполагает определенную хозяйственную общность жителей и, возможно, наиболее наглядно свидетельствует об их зависимости от владельца укрепления.

Как показывают материалы обследования городищ, сельское население древней Руси предпочитало жить за пределами укреплений. Известно немало случаев выбора мест для поселения под защитой городищ более ранних эпох, но на самих городищах жители неукрепленных поселений не селились. Эта традиция берет свое начало еще в племенном периоде.

Строительство крепостей в древней Руси осуществлялось государственной властью. Укрепленные пункты играли решающую роль в освоении и защите государственной территории Руси, распространении судебных функций и даннических отношений над подвластным населением. Такое строительство одновременно являлось и средством колонизации свободных земель. Крепости возводились на новых местах и вместе с ними основывались неукрепленные поселения за счет переселенцев.

Каждое селище возле городища было местом постоянного проживания непосредственных производителей материальных благ. Что касается жителей укреплений, то они выполняли различные служебные обязанности: от общественно-политических до хозяйственно-производственных, состав и объем которых определялись владельцем данного укрепления и зависели от ха-характера населенного пункта в целом.

Чаще всего в небольших по площади укреплениях постоянно проживало ограниченное количество жителей, несших охранно-сторожевую службу. Среди более крупных укрепленных пунктов, площадью примерно свыше 0,50 га, преобладали военно-феодальные поселения с достаточно развитой хозяйственной деятельностью. В обоих случаях укрепления являлись административными центрами неукрепленной части населенного пункта и убежищем для его населения в случае опасности.

Владельцами укреплений были князья и бояре. В одни из них назначались княжеские слуги, другие находились под управлением княжеских посадников, третьи жаловались вассальным боярам или строились ими по распоряжению князя и могли переходить в наследственную вотчину, если

не прерывалось исполнение ими служебных обязанностей по отношению к сюзерену. В период феодальной раздробленности, в условиях феодальных войн XII—XIII в., ослаблявших центральную княжескую власть, многие укрепления узурпировались служилым боярством и рассматривались ими как свои вотчины.

Укрепления, существовавшие в населенных пунктах и являвшиеся крепостями и административно-хозяйственными центрами, сооружались еще в догосударственный период и были средством самозащиты населения, организованного вначале в родовые, а затем в сельские общины. С возникновением классового общества строительство крепостей стало одной из важнейших функций государственной власти, проявлявшейся в защите и расширении подвластной территории, увеличении числа подданных и закреплении господства над ними. Активную роль в этом процессе принимали не только представители княжеского рода, но и боярство. Под укрепленные пункты древней Руси — крепости и военно-феодальные поселения вполне подходит более позднее название «замки».

Селища

Селища являются одним из наиболее многочисленных археологических памятников эпохи древней Руси. Письменные источники освещали лишь немногие стороны жизни села. Они почти не содержали данных о селе как определенном типе населенных пунктов, о его месте в структуре социально-экономических отношений. Актовый материал, в основном более поздний, не является полноценным источником для X—XIII вв. Некоторые сведения о хозяйственной деятельности сельских жителей отражены в книжной миниатюре, живописи. Только с появлением археологического материала стало возможным значительно расширить наши представления о занятиях, быте сельского населения.

Выявление селищ затруднено из-за отсутствия внешних признаков. В дореволюционный период эта категория археологических памятников практически не изучалась. Начальный этап исследований относится к 20—30-м годам нынешнего столетия. В 1927—1928 гг. во время строительства Днепровской гидроэлектростанции им. В. И. Ленина Днепропетровской археологической экспедицией на территории, подлежащей затоплению, открыты древнерусские селища близ с. Кичкас (А. В. Добровольский, П. И. Смоличев, С. С. Гамченко). В 1930—1932 гг. А. В. Добровольский провел разведочные раскопки этих селищ. В 1930 г. осуществлены небольшие раскопки на о-ве Каменоватый, где открыты жилища древнерусского времени, а также возле с. Старая Игрень.

В довоенное время археологические работы проводились на Житомирщине: возле городища у с. Райки были открыты древнерусские селища (В. К. Гончаров).

В 1945 г. А. В. Добровольским раскапывалось древнерусское поселение около с. Старая Игрень. В 1946 г. А. В. Добровольским и О. В. Бодянским открыты древнерусские селища в селах Днепровское, Волошское и Перше Травня. В том же году на поселении у с. Днепровское Д. И. Блифельд и О. Равич провели стационарные раскопки. Широкие исследования проводились в 1959—1961 гг. в связи со строительством Днепродзержинской ГЭС. В результате найдено 11 селищ древнерусского времени [Кучера, Драчук, 1962; Телегин, 1962]. На поселении возле с. Дериевка проведены стационарные раскопки. Исследования надпорожских селищ продолжались в 50-е (А. Т. Смиленко) и 70-е годы (А. А. Козловский). В результате была определена специфика южных памятников, особенности топографии селищ, материальной культуры населения.

В середине 50-х годов изучалось древнерусское поселение около с. Реп-